

**Международная научно-практическая конференция «Энергетический переход как фактор влияния на энергетическое законодательство»
(20 июня 2023 года, Москва, Институт государства и права РАН)**

**Тезисы к выступлению М.Л. Гальперина
на тему «Энергетическое судопроизводство: что это такое?»**

Уважаемые коллеги!

Для меня большая честь выступать перед вами в прославленных стенах Института. Спасибо за приглашение! Хотя волею судеб я из процессуалиста недавно переквалифицировался в энергетика, прошу простить коллег, занимающихся теорией права, что свой короткий доклад сегодня (который организаторы поставили первым, что налагает на меня особые обязанности) посвящу общим (хоть и прикладным) вопросам места энергетического регулирования в системе права. Постараюсь сделать это в занимательной манере.

Почти 85 лет назад почти в этом самом зале развернулась эпохальная всесоюзная дискуссия о том, на какие отрасли можно было бы разделить советское право. И тогда, в 1938-40 годах в качестве ведущего и единственного критерия деления права на отрасли наши предшественники определили *предмет* регулирования. Вскоре, однако, выяснилось, что если ограничиваться только этим признаком, то перед нами, по словам Сергея Сергеевича Алексеева, окажется необозримое множество отраслей. Любая более или менее компактная общность юридических положений при таком предметном подходе может быть квалифицирована в качестве основной отрасли.

Тогда-то в ходе так называемой *второй дискуссии* о системе права в конце 1950-х годов и было обращено внимание на значение *метода* права, который, наряду с предметом, и призван был отделить самостоятельные, профилирующие отрасли от несамостоятельных. Несмотря на то, что тогда сама классификация отраслей была призвана решить сугубо прикладные, даже политические задачи, вот уже десятки лет эта дискуссия захватила лучшие умы нашей юридической науки, переросла в концептуальный спор, в котором, например, колхозное право, канувшее в Лету вместе с колхозами, уступило место на арене борьбы за свою самостоятельность инвестиционному, инновационному и, конечно, энергетическому праву, которому и посвящено сегодняшнее мероприятие.

С одной стороны, в этой дискуссии нет ничего вредного, помимо, собственно, огромных временных и интеллектуальных затрат ее участников. Она позволяет нам защищать диссертации, создавать новые кафедры, чувствовать себя основателями или приверженцами новых направлений юридической науки. Кроме того, такое

клонирование и почкование отраслей позволяет создавать видимость неразрывной связи науки с практикой и нормотворчеством, когда появление новой концепции государственной политики в той или иной сфере, или нового закона, или просто активизация социально-экономической дискуссии по тому или иному вопросу, становятся поводом для выделения учеными новой отрасли права, в которой нужно обнаружить специфичные предмет и метод. И мы, энергетики, не отстаем от общей тенденции. Вот уже более десяти лет назад выдвинут тезис о существовании, например, самостоятельного *трубопроводного права*. Авторы этой идеи стремятся таким образом привлечь внимание научной общественности, менеджеров нефтегазового комплекса и, наконец, законодателей к необходимости разработки основ правового регулирования трубопроводного транспорта.

В свою очередь, доктринальное выделение новой отрасли права позволяет поставить вопрос не только о внесении изменений в номенклатуру научных специальностей, но и о принятии собственного кодекса. Здесь не удержусь от того, чтобы процитировать премьер-министра Франции Рокара, который, открывая 7 ноября 1989 г. заседание Высшей комиссии по кодификации, призвал: «не доходить до того, чтобы свой кодекс был у каждой профессии, иначе мы очень быстро придем к тому, что, кодифицируя законодательство об охоте, создадим отдельный кодекс для каждого вида дичи».

Но дискуссия о самостоятельности той или иной отрасли права имеет далеко идущие практические последствия, помимо принятия своего кодекса, и потери, таким образом, возможности применять аналогию права и закона, используя «материнскую» отрасль, необходимости дублирования, повторения одних и тех же норм в разных законах. Практические последствия носят и более фундаментальный характер. Приведу пример.

Как известно, исполнительное производство долгие годы в научном плане было частью гражданского процесса. А его «отделение» от гражданского процессуального права пару десятилетий назад позволило заговорить об особом пути развития исполнительного производства, возможности формирования его специальных принципов, в частности принципов неравенства сторон, преимущественной защиты прав взыскателя, несостязательного характера принудительного исполнения. Теперь при введении новых механизмов воздействия на должника в исполнительном производстве, например ограничений его личных прав, уже нет необходимости ориентироваться на традиционные принципы гражданского процесса: равноправия сторон, диспозитивности, состязательности. Любые экстраординарные правовые меры объясняются самобытностью исполнительного производства, в котором фактическое исполнение должно быть обеспечено «любой ценой», в том числе ценой конституционно гарантированных прав и свобод.

Как точно отмечал Александр Тимофеевич Боннер, если исполнительное производство является стадией гражданского процесса, то в нем необходимо сохранять предусмотренные гражданским процессуальным законом гарантии прав должника. Если же признать, что исполнение юрисдикционных актов представляет собой административную процедуру, то возможно обосновать снижение гарантий интересов должника, ужесточение уголовных и административных мер за неисполнение, в чем откровенно признаются сторонники «самостоятельности» исполнительного права.

И здесь позвольте плавно перейти собственно к теме, вынесенной в заглавие моего выступления, – к энергетическому судопроизводству. Раз уж мы так смело выделяем новые отрасли материального права, почему бы не покуситься и на святое – на выделение новых самостоятельных *видов судопроизводства*, новых процессуальных отраслей права, несмотря на то, что здесь конституционный законодатель прозорливо ограничил полет мысли исчерпывающим перечнем видов судопроизводства в части 2 статьи 118 Конституции.

Но, справедливости ради заметим, что никакие нормы не мешали долгой и напряженной дискуссии о существовании особого арбитражного судопроизводства, которое милостью основного закона вырвалось из лап родного гражданского процесса, и, таким образом, выиграло генеральное сражение в этой доктринальной войне за независимость. Здесь поневоле начинаешь верить в психологический *метод аффирмации*, известный уже сотню лет: если повторять вслух много раз что-то краткое и жизнеутверждающее, например «самостоятельному энергетическому праву - быть», то жизнь и даже сама Конституция на самом деле однажды поменяются.

Раз уже никто не спорит против выделения особого энергетического права, почему бы тогда не появиться отдельному энергетическому судопроизводству. Будем считать, что оно рождается прямо на наших глазах. Говоря языком наших великих предшественников, работавших в этом здании, для такой новой процессуально-правовой надстройки есть солидный общественно-экономический базис.

Согласно свежей статистике Судебного департамента при Верховном Суде в 2022 году:

- судами общей юрисдикции рассмотрено *10 миллионов дел* о взыскании платы за коммунальные ресурсы, тепло и электроэнергию, что составляет *более 41%* от общего количества рассмотренных судами общей юрисдикции споров;

- арбитражными судами рассмотрено *почти 300 тысяч дел* о неисполнении обязательств по договорам энергоснабжения, что составляет *более 16%* от общего количества арбитражных дел.

Для сравнения: в 2022 году судами рассмотрено всего 771 тысяча уголовных дел. При этом уголовное судопроизводство считается самостоятельным, а энергетическое – нет.

Но, как известно, для выделения новой процессуальной отрасли недостаточно количества дел и специфического материально-правового содержания рассматриваемых споров, то есть *особого предмета*. Нужны присущие такой процедуре процессуальные особенности, которые классики называли *методом*. И вот тут, боюсь, нам придется констатировать, что, несмотря на то, что *энергетика - есть гордость и опора национальной экономики*, на наших глазах вылупляется не прекрасный лебедь, а гадкий процессуальный утенок.

Во-первых, в этом виде судопроизводства почему-то сильно ограничено право на судебную защиту, право на иск в процессуальном смысле. Как известно, для ресурсоснабжающих организаций договоры на поставку энергетических ресурсов является публичным. В некоторых случаях такие договоры заключаются путем совершения конклюдентных действий, в связи с чем энергетики не имеют составленных в письменной форме договоров со своими потребителями-гражданами и, соответственно, в их распоряжении отсутствуют реквизиты должников-граждан, только местонахождение помещения, куда поставляется ресурс.

При этом в соответствии со статьей 124 ГПК в последней редакции при подаче заявления о вынесении судебного приказа истец должен указать один из идентификаторов гражданина-должника. В случае, если взыскателю они неизвестны, такая информация предоставляется суду по запросу соответствующими органами государственной власти. Указанное сильно затягивает процесс и возлагает на судебные органы дополнительные технические обязанности (фактически розыск должника), способствуют накоплению задолженности по оплате энергетических ресурсов.

Теперь еще предлагается ввести обязанность подателя заявления о выдаче судебного приказа самому предварительно уведомлять об этом ответчика с приложением всех документов. Такая новелла усложнит саму процедуру приказного производства, и при этом едва ли улучшит процессуальное положение должника.

Если судебная система (возможно небезосновательно) не стремится принимать на рассмотрение миллионы таких фактически бесспорных дел, опасаясь увеличения нагрузки, почему бы вообще не вывести их во внесудебное рассмотрение. Закрепить права нотариуса проставлять исполнительную надпись на документах о взыскании задолженности за энергоресурс, сразу превращая их в исполнительные.

Во-вторых, в этом виде судопроизводства может не быть права на квалифицированную защиту. Например, рядом законопроектов предлагается установить полный запрет на заключение коммунальными организациями договоров комиссии, агентских договоров, договоров поручения и иных договоров, направленных на возврат просроченной задолженности. Напомню, что уступка задолженности за коммунальные ресурсы уже несколько лет законодательно запрещена.

Принятие новых ограничений повлечёт риски лишения организаций ЖКХ квалифицированной юридической помощи, а также увеличение их затрат на создание и содержание собственных служб, самостоятельно обеспечивающих всю досудебную и судебную работу с миллионами должников. Все это, кстати, в конечном итоге влечет повышение тарифной нагрузки на добросовестных потребителей, каждого из нас.

В-третьих, новый вид судопроизводства нивелирует и действие принципа диспозитивности. Среди инициатив по совершенствованию процессуального законодательства есть предложения по отмене института договорной подсудности. При этом дела по взысканию производителями электроэнергии задолженности по ее оплате уже более пятнадцати лет рассматриваются в Арбитражном суде г. Москвы, а не по месту нахождения ответчика, в силу соответствующей оговорки в общем договоре о присоединении к торговой системе оптового рынка. Рассмотрение Арбитражным судом г. Москвы таких споров, связанных с расчётами на оптовом рынке обеспечило формирование единообразной судебной практики, что позволяет судьям при возникновении аналогичных споров максимально быстро и единообразно их разрешать.

Отметим, однако, что принятие этой нормы может дать мощный толчок в развитии третейского разбирательства. Думаю, что соответствующие споры практически полностью уйдут не в региональные государственные арбитражные суды, а в московские суды третейские, которые и будут по ним формировать практику. Так, полвека назад в Англии практически все крупные финансовые, строительные, морские, страховые дела навсегда ушли из королевских судов в суды третейские, которые и до сих пор являются «хозяевами» соответствующих отраслей права.

Наконец, в-четвертых, в энергетическом судопроизводстве ограничено не только право на иск в процессуальном, но и материальном смысле, действует своеобразная презумпция виновности поставщика энергоресурса. В судебной практике распространена в некотором роде патерналистская позиция по отношению к покупателям электроэнергии, причем не только к населению, но и к коммерческим организациям. Ссылаясь в частности на то, что поставщик электрической энергии является профессиональным участником отношений, суды

разрешают в пользу покупателей большинство споров по применению, например, расчетных способов определения объема поставленных ресурсов при нарушении потребителем порядка их учета, по исчислению срока исковой давности, по взысканию с поставщика убытков за перепады напряжения, причиненных третьими лицами (например, сетевой организацией). Фактически в отношении поставщика электрической энергии применяется и повышенный стандарт доказывания.

Такое судопроизводство нам вряд ли нужно. Это как раз тот случай, когда что-то новое рискует стать хуже старого, а путь к повышению гарантий защиты прав и законных интересов (что и должно быть целью любых преобразований как в правовой науке, так и в юридической практике) лежит через приверженность традиционным, давно зарекомендовавшим себя принципам процесса.

В завершении хочется вспомнить слова Тамары Евгеньевны Абовой: «право живет по своим законам, так же как по своим законам живет экономика. Но все же формировать право без учета законов экономики нельзя»¹. Убежден, что все мы об этом хорошо помним, а для того, чтобы право и экономика, право и энергетика шли рука об руку и проводятся такие замечательные конференции.

Спасибо за внимание!

¹ Узенков А.П. Интервью с доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Тамарой Евгеньевной Абовой // Юридический мир. 2013. N 1. С. 4 - 10.